

Анастасия Головня
Ван Вэньтао

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМ *ЖИЗНЬ*, *СМЕРТЬ* В КИТАЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В китайской культуре «жизнь – лишь плавание по течению, смерть – всего только отдых в пути», – эта фраза из знаменитой оды «Птица смерти» древнекитайского поэта и мыслителя Цзя И может послужить эпиграфом к исследованию, посвященному представлениям о *жизни* и *смерти* в традиционной китайской культуре.

Хорошо известно, что традиционная китайская культура не разработала каких-либо идей бессмертия души, сопоставимых с христианскими или даже античными (платонизм, пифагореизм, орфизм и др.). Более того, в добуддийский период китайской культуре были также неизвестны учения, предполагающие веру в перевоплощение. Вместе с тем, жизнь и ее продление, долголетие и даже бессмертие всегда были одними из высших ценностей китайской культуры, что видно уже по надписям на иньской и чжоуской бронзе. Это китайское жизнеутверждение подтверждает знаменитая фраза из приложения к «Канону Перемен» (*И цзин*) под названием *Сицы чжуань*: «Великая благая сила (благодать – *дэ*) космоса (Неба и Земли) – это жизнь» (*вариант*: «это способность к оживотворению» или «это способность к порождению» – *тянь ди чжи да дэ шэн е*).

Рассмотрим типы отношений к проблеме «жизнь – смерть» в рамках традиционной китайской парадигмы.

1. Жизнь и смерть – две неперенные фазы единого процесса трансформаций-перемен.

2. Смерти как таковой вообще нет – это лишь одна из множества метаморфоз, которые, собственно, и составляют сущность жизни.

3. Жизнь есть безусловное благо, величайшее среди всех благ. Смерть есть зло и ее надо преодолеть.

4. После того, как буддизм адаптировался к традиционному китайскому обществу и стал органической составляющей китайской культуры, утверждается взгляд на смерть как на событие, определяемое кармой человека; вслед за смертью следует новое рождение.

Перечисленными типами в основном и исчерпывается многообразие отношений традиционного китайца к жизни и смерти, если речь идет о «большой (ученой) традиции» китайской культуры. Единственным исключением здесь может считаться философия Мо-цзы (V в. до н. э.), допускавшая особую форму духовного бессмертия. Однако с началом имперского периода в Китае (III в. до н. э.) моизм совершенно сходит со сцены и сами труды этого мыслителя и его школы оказываются в забвении вплоть до рубежа XVIII–XIX вв., когда к учению Мо-цзы вновь возрождается интерес [1, 47-58].

Что касается народной культуры, то в ней господствовали в значительной степени иные взгляды на жизнь и смерть, включавшие в себя самые разнородные представления, начиная от веры в присутствие духов предков в нашем мире и различных верований, связанных с умиротворением вредоносных духов определенных категорий умерших, и кончая различными представлениями, связанными с идеями воздаяния и загробного суда. Позднее народная культура легко восприняла буддийское учение о перерождениях и, придав ему вполне анимистические формы, включила в свою сферу.

В Китае, в отличие от древнего Средиземноморья или Индии, не сформировалось представление о той или иной форме духовного бессмертия в загробном мире, а в народной культуре сохранялось восходящее к примитивному анимизму воззрение о той или иной форме загробной жизни, тогда как философы или вообще отказывались обсуждать данную проблему (знаменитое Конфуциево «*Не знаем, что такое жизнь, как можем знать, что такое смерть?*» – *вэй чжи шэн янь чжи сы*), или наотрез отрицали возможность существования жизни после смерти (Ван Чун), или просто хранили полное молчание по поводу данной проблемы (подавляющее большинство мыслителей).

Скорее всего, Конфуций со своим безусловным преклонением перед древностью, ее обрядами, ритуалами и свидетельствами, безусловно, принимал общепринятые в ту эпоху религиозные представления, но отказывался обсуждать их со своими учениками, как не относящиеся к области его учения (это то, о чем *цзы бу юэ* – «Учитель ничего не говорил»).

В античном мире философы (по крайней мере, некоторые) вводили эсхатологическую (в смысле «будущей жизни души») проблематику в сферу философского дискурса, тогда как китайские философы всячески избегали делать это, оставляя эсхатологию исключительно в пределах религиозного мирозерцания. Но поскольку религия древнего Китая (по крайней мере, до формирования «триады учений», *сань цзяо* и вне их) в полной мере сохраняла свой архаический характер, модели загробного существования в их рамках сохраняли, по преимуществу, примитивно-анимистический характер.

Классическая же китайская философия (термин, введенный А. И. Кобзевым) была натуралистической по своему характеру, то есть она не знала дуализма или иноприродности духа и материи и рассматривала их как взаимосводимые сущности. Это воззрение нашло свое наиболее полное выражение в категории «пневмы» (*ци*) как квазиматериальной энергетической субстанции, проявляющейся как в форме «духа» (утонченное состояние), так и в форме «вещества» (*чжи*) в ее грубом состоянии. В классической форме это воззрение выразилось в знаменитой формуле Ван Чуна, согласно которой вещество и дух соотносятся как лед и вода. Эта натуралистическая парадигма, в свою очередь, видимо, коррелировала с архаической культурной моделью, не предполагавшей признания чего-либо

трансцендентного или инобытийного по отношению к чувственно воспринимаемому миру, который и населялся божествами и духами.

Совершенно ясно поэтому, что натуралистическая модель отнюдь не предполагала возможность существования духа как особой бессмертной сущности и могла допустить бессмертие лишь как *не только* духовное, *но и* физическое (что имело место в даосской религии с ее идеалом *сяня* – бессмертного святого чудотворца) [1, 47-58].

Другим исключительно важным аспектом китайского представления о *жизни* и *смерти* стало отсутствие в этой культуре концепции бытия как вечного и неизменного *есть*, что, возможно, определялось особенностями древнекитайского языка с отсутствием в нем глагола *быть*. Но так или иначе, китайская культура склонна была отождествлять бытие, наличное бытие и становление, рассматривая последнее как поток непрерывных изменений и трансформаций-перемен (*и*). При этом именно перемены выступали в качестве первичной сути, тогда как сущее могло рассматриваться как своего рода манифестация этого процесса перемен. Даже само *Дао* (Путь, китайское обозначение высшей истины сокровеннейшего и наиреальнейшего принципа) могло рассматриваться (и зачастую рассматривалось) не субстанциально, а функционально – как некая мера или норма этого процесса безостановочных трансформаций (ср. *Сицы чжуань*: «То *инь*, то *ян*, это и есть *Дао*»). После того, как в эпоху Поздней Хань (25–220 гг. н. э.) окончательно утвердилась в качестве общепринятой концепция пнеумы (*ци*) как единого субстрата процесса перемен, постоянно меняющего свои формы (*син*), но остающегося субстанциально самотождественным, картина обрела целостность и завершенность. Теперь уже *жизнь* и *смерть* вполне могли рассматриваться как искусственно абстрагируемые понятия, обозначающие лишь начало и конец неустойчивого существования тех или иных модальностей или состояний, не знающих ни возникновения, ни разрушения пнеумы.

Традиционный китайский натурализм унаследовал от архаического анимизма особую концепцию множественности душ, являющуюся общей как для большой, так и для малой (народной) традиций китайской культуры. Представление о плюрализме душ хорошо известно различным архаическим и примитивным культурам (например, в форме представления о парциальных душах). В Китае оно проявилось в форме учения о двух типах душ – «разумных душах» (*хунь*) и «животных душах» (*по*), которые упоминаются уже в таких древних памятниках, как «Цзо чжуань» и «Ли цзи». Души *хунь* связывались с сознательно-интеллектуальной способностью человека и обычно их насчитывалось три, тогда как души *по* (их насчитывалось, как правило, семь) ассоциировались с жизнедеятельностью организма (например, обморок – это состояние, при котором разумные души покидают тело, а животные души продолжают действовать в нем). После окончательного утверждения в качестве общефилософских таких категорий, как *инь*, *ян* и *ци*, души *хунь* начинают восприниматься как своего рода тонкие состояния положительно (*ян*) заряженной пнеумы (*ци*), души *по* – как ее тонкие, отрицательно заряженные (*инь*) состояния.

Понятно, что при таком понимании психологии тело оказывается единственным началом, объединяющим эти разнородные и множественные души. Смерть тела, следовательно, ведет к гибели этих пневменных образований при сохранении самой пневмы как их субстрата. Тем не менее, первоначально комплексы двух типов душ продолжают существовать независимо от тела: души *хунь* образуют дух (*шэнь*), а души *по* – навья (*гуй*). *Шэнь* – очень многозначное понятие, обозначающее дух, духовное начало, а также божество; *гуй* – призрак, привидение, явь, который может являться живым людям и даже причинять им зло в случае наличия факта насильственной смерти или отсутствия у умершего потомков-жертвователей, – сюжеты, чрезвычайно популярные в китайской повествовательной прозе. Китайская этимологическая традиция возводит это слово к его омониму *гуй*, который означает «возвращаться»: *гуй* потому называется так, что он *возвращается* (ср.: «Из земли изшел и в землю отыдеши»). И светлый дух-*шэнь* и темный навь *гуй* существуют вне тела только очень ограниченное время, причем у людей, живущих активной интеллектуальной и духовной жизнью, этот срок дольше. Так, великий неоконфуцианец Чжу Си (1130-1200) считал, что у буддийских монахов, много и активно занимающихся созерцанием, этот срок весьма велик, хотя и вполне конечен [2, 72-76].

Попутно отметим, что еще в древности существовало представление о том, что сохранение тела умершего способствует продолжению существования его духа, в чем, видимо, и коренится стремление китайцев как можно дольше сохранить тело умершего предка или родственника. Повидимому, об этом свидетельствуют и мавандуйские погребения, прежде всего, погребение чуской (Чанша) княгини Дай, тело которой было подвергнуто особому рода мумификации; вероятно, сделано это было для того, чтобы поддерживать связь духа (*шэнь*) с телом и, следовательно, его существование.

После разрушения и разложения тела комплексы душ также разрушаются: дух – *шэнь* растворяется в небесной пневме, включаясь во вселенский процесс перемен, а навь – *по* уходит под землю, в мир Желтых источников (*хуан цюань*), где или влачит тенеподобное призрачное существование, или также растворяется в земной пневме.

Тем не менее, в народных верованиях сохранялось представление о существовании духов умерших в нашем, а не потустороннем, мире.

Словарные дефиниции языкового знака 命 – *мин*, представленные в трех словарях («Большой китайско-русский словарь», «Новый китайско-русский словарь» под ред. А. В. Котова, «Словарь современного китайского языка он-лайн») показывают, что анализ концепта *жизнь* в китайском языке представляет определенную сложность. Дело в том, что в отличие от русского языка, для которого характерно различие концептов *судьба* и *жизнь*, в китайском языке этим двум концептам соответствует один иероглиф-слово – 命 (*мин*). Это слово включает в себя все значения судьбы и жизни в русском языке. Иероглиф-слово 命 также имеет и другие не менее

важные значения: *приказ, распоряжение; указание; именование, называние; репутация; популярность; авторитет и слава; известность*. В китайском языке иероглиф 命 (жизнь, судьба) – не имеет тесной связи с будущностью, обстоятельствами жизни в будущем, а, в основном, выражает значение высшего закона, заданного развитием, без которого не может существовать и сама жизнь. Иероглиф 命 (жизнь, судьба) – это то, что приказывается либо называется свыше, и именно поэтому данный языковой знак имеет значения «приказывать» и «называть» [2, 72-76]

В более поздних словарях первым значением лексемы-иероглифа 命 выступает срок жизни. В более раннем словаре это значение вообще отсутствует.

Современный он-лайн словарь предоставляет большее количество значений как устаревших, так и развившихся позже, в то же время, очевидно, он-лайн словарь ориентирован на представление слов в прагматичном смысле.

Жизнь – безусловная ценность в китайской культуре: *人生意义的大小, 不在乎外界的变迁, 而在乎内心的经验 – Смысл (величина) жизни человека не определяется внешними изменениями, но приобретенным (внутренним) опытом; 人生应该如蜡烛 – 样, 从顶燃到底, – 一直都是光明的 – Жизнь человека должна быть похожа на свечу (ослепительно гореть от начала до конца, от верхушки до основания); 珍惜生命就要珍惜今天 – Для того чтобы ценить жизнь, нужно беречь каждый день; 生活就象这杯浓酒, 不经三番五次的提炼, 就不会这样可口 – Жизнь похожа на крепкое вино, без непрестанной закалки (для вина – очищения) она не может быть такой же вкусной (как и вино).*

Словарные дефиниции знака 死 (сы) – смерть, представленные в трех словарях («Большой китайско-русский словарь», «Новый китайско-русский словарь» под ред. А. В. Котова, «Словарь современного китайского языка он-лайн») в разном составе имеют несколько основных значений:

1) 死 – умирать; лишаться жизни; быть умерщвленным; пасть (быть убитым); околеть: 病死 – умереть от болезни; 戰死 – быть убитым в бою; 餓死 – умереть от голода; 他的馬死了 – его лошадь пала; 狗死了 – собака околела; 門外頭死了人了 – за воротами кто-то умер.

2) 死 – гибнуть; отмирать; неметь, терять чувствительность; засыхать (о растении); гаснуть (о светильнике); замирать (о звуке); выходить из строя, портиться, ломаться: 桑穀死 – тут и хлеба погибли (засохли); 孤燈死 – одинокий огонь (светильник) угас; 凍死 – погибнуть от мороза, замерзнуть.

3) 死 – выйти, кончиться, прекратиться; истощиться, исчезнуть: 惡言死焉 – злые слова (дурные речи) от этого прекращаются (иссякают).

4) 死 – терять, утрачивать (из-за смерти): 他死了父親 – он потерял отца, у него умер отец.

5) 死 – убивать, казнить, предавать смертной казни; изводить, доводить до смерти: 緩死 – медлить с казнью, откладывать казнь; 處死 – предать смертной казни; 死之 – казнить (убить) его.

6) 死 – мертвый, умерший; павший (также о лошади), дохлый (о животном; также модификатор результативных глаголов): 門外有 – 隻死狗 – за воротами лежит дохлая собака; 死子 – умерший сын; 死將 – павший полководец; 死樹 – мертвое дерево, сухостой.

7) 死 – омертвевший; словно мертвый, деревянный, бесчувственный: 去死肌 – удалить омертвевшую ткань; 他睡得太死 – он спит непробудно.

8) 死 – гибельный, смертоносный, смертный; смертельный; до смерти, до гибели, до последнего дыхания: 死獄 – смертный приговор; дело, закончившееся смертным приговором; 死爭 – смертельная борьба, спор до смерти; 死對頭 – смертельный противник; 死拒 – сопротивляться до последнего дыхания; 死日不遠 – смертный день недалек.

9) 死 – верный до гроба (напр., о друге); неизменный, твердый, неизменяемый; упорный: 死規矩 – неизменный порядок, твердое правило; 死不肯說 – упорно не желать говорить.

10) 死 – жесткий, негибкий; тугой; педантичный; сухой; жестко, упорно, педантично, сухо: 腦筋死 – (иметь) сухие мозги, педантичный ум; 死不承認 – упорно не признавать (не сознаваться); 話不要死說 – не надо говорить педантично.

11) 死 – глухой (без выхода); вплотную, наглухо: 死管子 – глухая труба.

12) 死 – негодный, поломанный, вышедший из строя (из употребления): 死車 – поломанная повозка; дурной, дурашливый; неисправимый; 死孩子 (также ирон.) дурашливый (неисправимый) ребенок.

13) 死 – на смерть, до смерти, в высшей степени, ужасно, страшно (при прилагательном): 好看死了 – в высшей степени красивый; 累死了 – страшно усталый; 害怕死了 – страшно напуганный; 這菜死鹹 – это кушанье страшно соленое; 高興死了 – в высшей степени обрадованный (веселый).

14) 死 – смерть, гибель (особенно: преждевременная смерть; смерть простолюдина): 大哉死乎君子息焉, 小大休焉 – О, как велика смерть! Совершенный человек в ней находит покой, ничтожный человек – в ней почивает!; 視死若歸 – смотреть на смерть, как на возвращение домой.

15) 死 – смертная казнь: 死徙 – смертная казнь и ссылка.

16) 死 – мертвые, умершие; мертвый; покойник: 事死若事生 – служить мертвым так, как служили живым.

17) 死 – мертвый; до смерти: 打死 – забить до смерти; 殺死 – убить, умертвить; 砍死 – зарубить; 束死 – заколоть; 脹死 – умереть от обжорства.

18) 死 – твердо, неизменно, намертво, без изменений: 話不要說死 – не следует говорить это категорично (намертво) (ср. сжигая за собой корабли); 定死 – определить раз и навсегда, решить твердо.

19) 死 – глухо, наглухо, без отдушники: 把門釘死了 – наглухо заколотить дверь гвоздями; 把窟窿堵 – наглухо законопатить отверстие; 电脑死机了 – компьютер завис; 该死 – Чтоб тебе пусто было!

Надо отметить, что антонимичность концептов *жизнь* и *смерть* в китайской культуре выражена значительно слабее, чем в русской. В китайских поговорках концепты *жизнь* и *смерть* характеризуют одинаково естественные состояния.

死亡与生存一样自然 – *Смерть и жизнь одинаково естественны*; 除了死亡之门以外, 每扇门都可以被关闭 – *Любую дверь можно закрыть, кроме двери смерти*; 人生在世, 唯死难逃 – *Никому из живых не удастся избежать смерти*; 酒神淹死的人比海神多 – *Бог виноделия потопил людей больше, чем бог моря*; 忍辱贪生不如死得光荣 – *Лучше блестящая смерть, чем позорная жизнь*; 与其忍辱偷生, 不如光荣而死 – *Лучше умереть с честью, чем жить в позоре*; 死马当作活马医 – *Используй все оставшиеся средства, чтобы спасти жизнь (ситуацию)* (букв.: даже для умершей лошади вызывай коновала (ветеринара)); 生于忧患, 亡于安乐 – *Рождение происходит от страданий, смерть приносит покой и счастье (благоденствие)*. – *В жизни должна быть цель, иначе все приложенные усилия будут напрасны*; 宁为玉碎 – 不为瓦全 – *Честный человек лучше умрет за правое дело, нежели будет жить в унижении* (букв.: лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей).

В восточной культуре представление о смерти отличается от русского: нет страха перед смертью, так как смерть означает не абсолютный конец жизни, но переход в иное состояние, перерождение в другом пространстве и времени.

В китайском языке особым объектом является понятие «покойник, явившийся во сне», что лингвистически подтверждает наличие в китайском языковом сознании доминанты «культ умерших предков». Интересно отметить, что в китайской культуре с потусторонним миром связывается женское начало, как и тот свет, царство теней, благоденствие, которое зачтется на том свете. Для русского языкового сознания соединение вместе идей женского начала и темноты, потусторонности, коварства, скрытности и обобщенной отрицательности является противоестественным и малопонятным.

Сравнение *жизни* и *смерти* у русских людей не в пользу жизни. Плохая жизнь для них хуже смерти, поэтому смерть предпочтительнее горькой, безрадостной жизни. Смерть воспринимается русскими людьми как избавительница от тягот земной жизни. Жизнь в русских поговорках противопоставляется смерти. В то же время одно невозможно без другого: одно (смерть) продолжает (скорее, завершает) другое (жизнь).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кобзев, А. И.* О категориях традиционной китайской философии / А.И. Кобзев // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 1.
2. *Лян Цзин.* Русский концепт *судьба* на фоне китайского / Лян Цзин // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3. Філалогія, педагогіка, псіхалогія. – 2008. – № 2.